

Наступила пора первых заморозков, осенний ветер приносил свежесть, и зной долгого лета понемногу уходил, оставляя в воздухе тонкую, почти ласковую прохладу. Самое время для прогулок за городом — бродить по лесам, любоваться багряной листвой и неторопливо взбираться на холмы.

На ухабистой дороге покачивалась крытая повозка, а в ней, отрешённый от суеты, сидел человек. Распущенные смоляные волосы падали на плечи, глаза были закрыты. Он вслушивался в скрип колёс, в мерное покачивание, что укачивало, словно колыбель.

— Впереди столица Даюаня, — раздался голос снаружи.

Гу Цзыюань, ученый муж в одеждах цвета лунного света, натянул поводья, придерживая коня, и обернулся к спутнику с лёгкой улыбкой.

Впереди, совсем близко, высилась громада городской стены, по гребню которой неспешно прохаживались воины в железных латах, обходя дозором укрепления. Над ними на ветру трепетал знаменосный штандарт Даюаня — тёмное полотнище с ярко-алым драконом посередине.

— Так вот она, столица Даюаня! — оживились молодые ученики, что следовали позади. — Как же величественно!

Пыльная усталость от долгой дороги слетела с них в один миг. Они возбуждённо загомонили, толкаясь локтями, будто каждый хотел высказать своё восхищение первым.

— Неудивительно, что в прошлом году Царство Аго хоть и держалось несколько дней, так и не смогло взять эти стены — а в итоге и вовсе было смято железной конницей. Теперь, увидев это собственными глазами, невольно понимаешь: крепость Даюаня действительно неприступна.

— Такое могущественное государство... Не чета тем маленьким царствам, через которые мы проходили. Так и тянет сюда, в самую гущу событий.

На просторах Великой Пустоши теснились десятки государств. Сотни школ и учений спорили между собой, шаманы-заклинатели творили своё тёмное ремесло, а легенды о бессмертных множилось день ото дня.

Стояли смутные времена, огонь войн не угасал ни на миг. Эпоха сама выдвигала героев на первый план: правители боролись за власть, государства искали мудрецов и военачальников, словно жаждущий ищет воду.

В те годы учёный в белых одеждах из простого народа мог стать главным министром сразу шести государств; крестьянин, поднявшийся из низов, нередко возвращался домой во главе победоносного войска. Это было время великих подвигов и глубоких интриг, время, когда

странствующие войны творили историю, а шаманы и прорицатели вершили судьбы.

Государство Даюань, могучее и сильное, делило влияние с Царством Вэй. Но Вэй клонилось к закату, а Даюань, обновлённое реформами, возносилось всё выше.

Такое будущее, полное силы и амбиций, не могло не привлекать лучшие умы Поднебесной.

Ученики Конфуцианской школы отправились в Даюань именно по этой причине: хотя многие не одобряли жестоких методов правления в Даюане, всё же надеялись нести свои идеи — о гуманности, о порядке, об управлении государством. Эта поездка была для них важной миссией.

У самых городских ворот ученики спешили и, взяв коней под уздцы, встали в очередь на вход в город.

Стражники в тяжёлых латах проверяли пропуска. Один из них поднял взгляд:

— Конфуцианцы?

Гу Цзыюань, возглавлявший группу, шагнул вперёд, сложил руки в приветственном поклоне:

— Именно так.

Конфуцианцев в Даюане не особо жаловали — государство предпочитало законы легистов. При дворе, конечно, находилось место для разных школ: дипломатическую, даосскую, натурфилософскую, военную; лишь конфуцианства сторонились.

Но дело было не только во нраве Даюаня. Во всей Великой Пустоши лишь небольшие царства, свято чтившие старые обряды, по-настоящему благоволили конфуцианству. Великих держав было много, но ни одна из них не управлялась по конфуцианским канонам.

Шли времена войн: страны искали силы, реформировали законы, расширяли границы. Идеи гуманности и предписанные нормы поведения, хоть и звучали красиво, в реальности были трудны для воплощения.

Гу Цзыюань понимал это слишком хорошо — и всё же только беспомощно усмехнулся.

Конфуцианцы долгие годы странствовали лишь среди малых царств, редко вступая на земли таких мощных держав, как Даюань. Во-первых, из-за жестокого нрава его государя; во-вторых, потому что здесь слишком активно продвигали идеологию легистов.

Всем известно: конфуцианцы и легисты давно враждуют. Ступать в владения давнего противника — что ж, удовольствие сомнительное.

Но времена изменились. Даюань расцветал на глазах у всех. Если конфуцианцы мечтали сохранить влияние, им рано или поздно всё равно пришлось бы заручиться поддержкой сильной державы.

Стражник бросил взгляд на стоящую позади повозку:

— А кто там, в экипаже?

Гу Цзыюань поспешил ответить:

— Господин страж, в повозке — почётный гость главы нашей школы. У него болезнь глаз, смотрите...

— Хватит болтать! — резко оборвал его стражник. — Хотите войти в столицу — проходите проверку. Пусть тот, что в повозке, выйдет. Всю поклажу — открыть! Не послушаетесь — не жалуйтесь потом на грубость!

Его голос ударил, как плеть. Остальные стражники тут же вскинули копья, шагнув вперёд, их лица окаменели.

В очереди у ворот запахло страхом. Толпа горожан, стоявшая позади и ждавшая пропуска, в ужасе отхлынула. Люди попятились, сжимая узелки и пряча лица, будто боялись лишним взглядом навлечь беду.

Маленькая девочка с двумя косичками вцепилась в одежду взрослой женщины и, дрогнув губами, всхлипнула:

— Мама, они нас сейчас... головы рубить будут?

— Тише! — женщина в ветхом платье мгновенно зажала ей рот, сама едва не дрожа. — Не смей так говорить, беду накличешь...

Про Даюань ходила слава: войско у них сильное, но жестокое — "волки и тигры", говорили в соседних странах. А уж о законах и наказаниях лучше вовсе было не вспоминать — один слух заставлял честного человека бледнеть, второй — креститься на удачу. Народ из других царств привык к вольной жизни, и суровые порядки Даюаня их откровенно пугали.

Стража была готова уже схватиться за мечи, когда из-за занавески повозки раздался спокойный, чистый голос мужчины:

— Господа воины, не тревожьтесь. Я выйду.

Рука с длинными, тонкими пальцами приподняла полог.

Из повозки вышел мужчина в белоснежном длинном одеянии с мягкой подкладкой цвета молодой хвои. Ворот и рукава были украшены тонкой узорной позолотой. Лицо — тёплое, утончённое, словно выточенное из светлого нефрита. На поясе — меч. Голову венчал не учёный головной убор, а простой высокий хвост, в манере воинов из чужих царств, отчего чёрные, смоляные волосы струились по спине.

По одной лишь осанке было ясно: перед ними человек редкой породы — спокойный, сосредоточенный, словно скрывающий внутренний свет. Всё в нём дышало благородством и гармонией.

Но на глазах у этого изящного аристократа была надета белая шёлковая повязка, лишавшая взор живости. И красота его вдруг казалась печальной, отброшенной в тень.

Люди вокруг зашептались, кто-то тяжело вздохнул, кто-то качнул головой. Слепой... да ещё столь красивый. Жалко до боли.

—носишь при себе оружие? Встань вон туда, на регистрацию, — бросил стражник.

Он уже не звучал таким сердитым: увидев, что перед ним действительно слепой, да ещё и благородный юноша, весь пыл его остыл. Он просто махнул рукой, велел пройти в сторону.

— Брат Ло, сюда, — позвал Гу Цзыюань.

Он шагнул вперёд, велел ученикам подождать, и повёл Цзун Ло в сторону.

Тогда ещё пути учёных и воинов не были разделены: от правителя до писца или странствующего бойца — каждый носил меч. Большинство людей тех времен владели и словом, и клинком. Взять хотя бы главу школы Моцзя и правитель Фэньюэ из царства Вэй — оба прославленные мастера меча.

Конфуцианцы не были исключением: в их школе тоже хватало учеников, которые постигали и учёность, и боевое искусство. Но сам Гу Цзыюань, будучи великим ученым мужем, блистал в литературе и философии, а вот в бою был посредственен — потому и не уделял клинку много внимания.

У места регистрации оружия стоял специальный помост: здесь измеряли длину клинка, записывали его форму и любые отличительные признаки, чтобы затем внести в архив военного ведомства — на случай грядущих неприятностей.

Цзун Ло снял меч с пояса и, не торопясь, протянул стражнику.

Наружный вид его меча был почти неприметным: серебристые ножны без узоров; только у рукояти висел кусочек тёмного древнего нефрита, на котором извивались сложные, мистические узоры — словно живые.

Стражник вынул клинок.

Лезвие выскользнуло из ножен — и холодный свет вспыхнул так ярко, что у собравшихся перехватило дыхание. Лезвие блестело, как осенняя изморозь, острота его была почти ощутимой; казалось, морозный ветер коснулся кожи.

— Великолепный меч... — пробормотал страж.

Художник, отвечавший за регистрацию, едва не опрокинул чернильницу, увидев клинок. Глаза его вспыхнули восторгом.

— Господин... позвольте взглянуть поближе? — выпалил он почти дрожащим голосом.

Доброму коню — хороший седок, редкому мечу — достойный хозяин.

Такое оружие не могло принадлежать безвестному бродяге. Ни один человек, увидев его, не поверил бы в это.

Жаль только, что его владелец — слепец, да ещё и с затяжной, тяжёлой болезнью: запах лекарств едва ощутимо тянулся за ним.

— Конечно, — с мягкой улыбкой кивнул Цзун Ло.

Художник, не скрывая восторга, торопливо принял меч обеими руками, будто боялся уронить драгоценность. Он и сам был страстным любителем оружия — держал клинок аккуратно, как редкую реликвию, внимательно всматриваясь в каждый его штрих.

— Прекрасно! Великолепно! Изумительно! — воскликнул он, едва не подпрыгнув. — Три чи и восемь цуней длины... режет металл, словно дерево... прорежет железо, как сырую глину... это воистину чудесный клинок!

Он испытал острё, но взгляд его скользнул по узору на стали — и сердце ёкнуло.

Когда он взял меч обратным хватом и посмотрел вдоль меча сверху вниз, его будто с высоты швырнуло к пропасти: узоры свивались, как укрывшийся глубоко в горных недрах дракон,

тёмный, скрытный, опасный. От этого вида по коже побежали мурашки.

Обычный клинок может быть острым, но без духа. Этот же — даже в ножнах хранил силу, а уж обнажённый излучал ледяную, беспощадную волю. Меч явно был не прост — куда дороже и редче, чем казалось сперва.

Художник понял: он даже недооценил его. Такой меч должен быть внесён в "Реестре знаменитых клинков"!

А возможно... он уже там.

Чем дольше он смотрел, тем сильнее росло смутное ощущение узнавания, а с ним — и тревога. В памяти мелькнуло описание, которое могло бы подойти, но мысль эта была столь невероятна, что он даже не смел озвучить её.

Он выпрямился, лицо стало напряжённым:

— Прошу простить мою дерзость... У этого меча есть имя?

Цзун Ло покачал головой:

— Я... не помню.

— Не помните? — художник даже растерялся.

Гу Цзыюань поспешил объяснить:

— Брат Ло — почётный гость нашего главы. Год назад он упал без сознания у наших ворот. Был в таком состоянии, что едва не умер — хорошо, что Почтенный лекарь из Школы врачевания помог ему вернуться с того света. Но когда через полгода брат Ло пришёл в себя... всё было будто стёрто. Он очнулся — и оказался без памяти, словно после долгого сна.

Сам Гу Цзыюань, не понимая ни тонкости клинка, ни напряжения художника, решил, что тот попросту увлёкся и тянет время ради любопытства. Он слегка нахмурился и, всё же сохраняя учтивость, добавил:

— Меч был при нём даже тогда, когда он был при смерти. Очевидно, это его личное оружие ещё до потери памяти. У благородного мужа не отнимают дорогих сердцу вещей. Если вы всё осмотрели, прошу вернуть меч владельцу.

Художник промолчал. Потом обернулся, что-то быстро прошептал стражнику, и лишь затем

сказал вслух:

— Прошу прощения, но я пока не могу вернуть этот меч.

Он поклонился — виновато, но твёрдо:

— Прошу обоих господ подождать немного. Дело важное, я уже послал за...
главнокомандующим.

Теперь настала очередь Гу Цзыюаня изумиться и встревожиться.

Главномандующий ведал охраной столицы и десятками тысяч солдат гарнизона Даюаня.
Неужели из-за желания заполучить меч этот художник позвал самого Главномандующего?

Ради одного меча?

Что за безумие?

<http://bllate.org/book/12856/1132284>